

**ИНТЕРВЬЮ****Интервью с Алёной Леденёвой****Чтобы контролировать уровень неформальности, требуется прицельная терапия теневого практик**

Беседовала Елена Бердышева



**ЛЕДЕНЁВА Алёна** — профессор в области политики и общества Школы славянских и восточно-европейских исследований Университетского колледжа Лондона. Адрес: Великобритания, WC1E 6BT, г. Лондон, ул. Говер-стрит.

**Email:** [a.ledeneva@ucl.ac.uk](mailto:a.ledeneva@ucl.ac.uk)

*В интервью профессор Алёна Леденёва рассказывает о своём исследовательском опыте, текущих проектах и планах и, по сути, представляет авторскую программу изучения миров неформальной экономики при помощи чувствительного к контексту сравнительного этнографического анализа. Начавшись в середине 1990-х гг. с PhD диссертации о значении блага для функционирования планового советского хозяйства, сегодня эта исследовательская программа составляет основу уникального эмпирического проекта по составлению «Энциклопедии неформального мира», в котором участвуют 223 учёных из различных стран мира. Собранный в «Энциклопедии...» база кейсов описывает национальные версии той или иной теневой практики, содержит список новейшей социологической и антропологической литературы для анализа такой практики и при этом находится в открытом доступе для исследователей. Из интервью становится ясно, как чуткость к методологическим вызовам этнографии позволяет автору перейти от ретроспективного изучения локального эмпирического феномена к теоретизированию. Концептуальные инсайты, на которые выходит профессор Леденёва, помогают оценивать качество либеральных реформ, включая антикоррупционные. Алёна показывает, что, когда за фасадом формальных институтов скрываются ригидность и двойные стандарты, неформальные практики одновременно способствуют и становлению, и разрушению социальных систем. Пока конфликт между правилами, навязанными сверху, и реакцией на них снизу не будет учитываться в ходе социополитических преобразований, говорить о минимизации коррупции будет очень сложно.*

*В беседе Алёна делится профессиональными секретами исследовательской кухни, демонстрирует, как путём сопоставления эмпирических свидетельств из самых разных источников она боролась за обоснованность и валидность выводов в качественном исследовании, останавливается на сложностях проведения глубинного интервью на чувствительные темы и на том, как они могут быть преодолены. В одном из эпизодов интервью Алёна говорит, что её подход к работе с этнографией неформальной экономики — это «метод медленного приготовления». В целом по итогам беседы складывается впечатление, что полевая кухня профессора Леденёвой тяготеет к молекулярной.*

**Ключевые слова:** обмен; реципрокность; эквивалентность; сети; социальная динамика; коррупция; методология качественного исследования; миллениалы.

— Алёна, расскажите, пожалуйста, каким образом Ваша самая первая книга «*Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*» («Экономика одолжений в России: блат, сети и неформальный обмен») [Ledeneva 1998], вышедшая на английском в 1998 г., была встречена западным читателем?

— Имеет смысл начать с того, как вообще эта книга появилась. Поступив на магистерскую программу в Кембриджский университет, я, конечно, не планировала никаких книг и думать не думала ни о каком блате. Колледж, в котором я училась, предложил мне подать заявку на программу PhD. Мне даже не очень ясно было, что это такое. Я училась в аспирантуре Института экономики и организации промышленного производства, хорошо представляла себе, что такое кандидатская диссертация, и собиралась работать над ней. Когда мне порекомендовали предложить проект — *proposal* — для поступления в Кембриджский университет, шёл 1992 г., у меня ещё не было исследовательской идеи... Совсем свежи были новости о распаде Советского Союза, и, размышляя о том, что было бы актуально для моего будущего читателя, я решила, что востребованным в тот момент был бы мониторинг изменений.

В тот период я очень увлекалась социальной антропологией. И я знала, что все антропологи, которые выезжали на полевые работы, действовали примерно в одинаковой логике: сначала они изучали систему значений в языке; потом смотрели на системы календаря и времени. И обязательно анализировали систему обменов среди народностей, проживающих на далёких островах. Мне были особенно близки работы Пьера Бурдьё. А он практиковал разворот этнографического метода на то общество, в котором живёшь. Методологически это требует отстранения, проблематизации обыденного, когда пишешь о своём обществе так, будто ты его не знаешь, и анализируешь его при помощи аппарата, заточенного на понимание других цивилизаций.

При таком подходе требовалось посмотреть на исчезающее советское общество в трёх ракурсах: показать, (1) как меняются язык и дискурс; (2) как меняется отношение ко времени, в том числе на фоне появления реальных денег; и (3) что происходит с обменами, причём с неформальными, которые, как я хорошо знала, глубоко проникали в повседневность каждого советского человека.

И когда я подала свой проект, мой научный руководитель, профессор Энтони Гидденс сказал: «Ну, у Вас тут три диссертации запланированы. Выберите, пожалуйста, одну». Тогда я подумала: я не лингвист, я не занимаюсь философией времени, я — экономист-социолог, поэтому нужно заниматься обменами. В общем, они и стали предметом изучения.

— И Вы предложили шесть доказательств блата...

— Сфокусировать исследование мне помог научный руководитель. Каждый раз, когда я приходила к нему консультироваться по диссертации и рассказывала о том, что есть вот такое явление — блат, что это такая система неформальных обменов, которая позволяет людям доставать то, чего нет в продаже, или ускорять процессы в бюрократизированной системе, он отвечал: «Я не думаю, что блат существует. Я никогда не слышал о таком явлении, о нём нет упоминаний в письменных источниках... Ты уверена, что это что-то реальное?» Подозреваю, что, говоря так, он хотел добиться от меня более надёжной доказательной базы существования блата, чтобы я поработала ещё и нашла убедительную эмпирику. В результате каждая глава (а их действительно шесть) моей первой книги представляет собой метод доказательства существования блата. Развивая эти доказательства, я много работала с архивами и историческими источниками, изучала экономическую историю, выискивая данные о роли блата в экономике. Блат помогал сглаживать углы плановой системы. Госплан не работал без «толкачей». Центральное госраспределение товаров нуждалось в сетевых социальных обменах (блате), которые доводили эти товары до конечного потребителя.

Цифры тогда меня мало интересовали. Количественная методология больше практиковалась в Оксфорде, тогда как в Кембридже социально-политические науки больше ориентировались на качественные данные. И несмотря на мой бэкграунд экономиста-кибернетика и математика, мне Кембридж был более интересен, потому что работать с SPSS<sup>1</sup>, составлять анкеты, собирать и обрабатывать данные крупных исследований я уже могла и так, ведь этим славилась Новосибирская школа экономической социологии Татьяны Ивановны Заславской и Инны Владимировны Рывкиной. Качественная же методология изучения экономики применялась намного реже. И я проводила углублённое интервью: многие из 56 бесед, записанных для книги, получились полномасштабными, многочасовыми. Вдобавок к этому, я много путешествовала по России, пытаясь охватить региональный разрез... Вспоминается, как многие полевые инсайты приходили ко мне в дороге, нередко через беседы с незнакомыми людьми, случайно встреченными в самолёте, поезде, автобусе...

— *Эффект попутчика?*..

— Именно. Несмотря на развал Советского Союза, тема блата не переставала быть сенситивной. Например, быстро выяснилось, что невозможно сделать рассылку официальных приглашений на интервью по теме блата в формальные организации. Фактически изучение блата требовало неформального снежного кома респондентов. Вход в поле оказался возможен только через персонализированные рекомендации. Для поиска информантов приходилось активно задействовать личные сети и знакомых знакомых. И тогда, будучи всё-таки позитивистским социологом, я пыталась охватить разные регионы, разные профессии, стремилась соблюсти в выборке половозрастной баланс. Мне также хотелось добраться до людей, которые в тот момент не имели работы. Виделось важным понять, есть ли у них какие-то неформальные каналы, откуда может прийти помощь. А параллельно с этим — поговорить с теми, у кого имеются власть и привилегии, выяснить, нужен ли блат им.

Меня интересовало, в каких режимах реципрокности работают неформальные обмены. Чётко вырисовывались три таких режима. Во-первых, властный, когда человек со статусом и может всё, он(а) помогает безвозмездно, и здесь необязательно предполагается какой-то реципрокный ответ... Разве что какие-то формы лояльности и благодарности. Во-вторых, аффективный режим, когда очень многие реципрокные вещи тоже не компенсируются, потому что обмены происходят внутри семьи или отношений близости и любви. Подобные обмены очень часто не симметричны и не сбалансированы. И, в-третьих, существует режим эквивалентности — как правило, между незнакомыми людьми или возникающий при выпадении из систем власти или отношений. В этом режиме актуализируются логика взаимных расчётов, оценка вклада каждого в отношения и объёмов полученной благодарности. В режиме власти и в режиме любви такие калькуляции не происходят или отложены. Сразу же возникают вопросы об эквивалентности обменов в условиях отсутствия объективной стоимости услуг и одолжений...

В общем, многое надо было продумать, чтобы обосновать существование феномена блата для западной аудитории. Конечно, это оказалось невозможно без того, чтобы говорить на языке этой аудитории. В первую очередь пришлось понять, какой логикой они руководствуются, и что с точки зрения этой логики будет выглядеть убедительным. После того как я прочитала всю литературу по обменам, реципрокности, бартеру, клиентизму и коррупции, пришлось научиться писать о блате, который не укладывался в западные клише о неформальной экономике Советского Союза. Думаю, что успех книги был связан именно с открытием блата как амбивалентной концепции: и дружба, и обмен или не дружба и не обмен. Это явление настолько пронизывало советскую повседневность, пересекалось с отношениями дружбы, что с трудом поддавалось артикуляции. Например, я шла к своему коллеге с просьбой об

<sup>1</sup> *Statistical Package for the Social Sciences (SPSS)* — компьютерная программа для статистической обработки данных.

исследовательском интервью. Он с готовностью соглашался, но, как только выяснялось, что разговор будет посвящён блату, моментальной реакцией было: «А почему я? Почему ты пришла ко мне? Я про блат вообще ничего не знаю». И мне всё время приходилось тренировать себя в искусстве интервью, помнить, что нельзя спрашивать персонализированно, нельзя спрашивать про настоящее время. Можно только про советский период, который закончился. Это последнее, к слову, стало значимым фактором возможности такого исследования: я оказалась в нужном месте и в удачное время. В 1993–1994 гг., когда я собирала данные, люди помнили советский период ещё очень хорошо, пока ещё ничего не забылось и не обросло ностальгическими мифами. В это же время к тому моменту изменения были уже настолько очевидными, что респондентам было легко говорить мне: «Ну, блата больше нет, сейчас всё по-другому — деньги и взятки, а вот тогда, когда-то было так...» И фактически благодаря этим обстоятельствам мне удалось собрать по-своему уникальную базу данных — «монумент эпохи». С одной стороны, эти глубинные интервью дышат советским, и это чувствуется; с другой стороны, образовалась дистанция, которая позволила говорить про это советское, потому что в советское время было бы невозможно провести такие интервью. Таким образом и определились три главных методологических принципа, которые в совокупности я обозначаю как «методологию зеркала заднего вида» [Ledeneva 2011]: (1) спрашивать только про прошлое, про то, чего больше нет, про ноу-хау, которые перестали работать; (2) собирать данные, избегая персональных вопросов людям о них самих, но уточняя общие закономерности и практики, распространённые в определённом социальном кругу; (3) не искать коротких и прямых путей — например, пойти поспрашивать о блате. Важнее понять контекст, биографию, неформальную историю, уточнить ингредиенты, что-то оставить на следующий раз. Я назвала бы такую технику методом медленного приготовления. Благодаря практикам блата советская система просуществовала намного дольше, чем должна была. Советская система была телом, на котором паразитировали проявления блата. Но верно и обратное: блат выступал лубрикантом для смягчения ограничений, ассоциированных с плановой экономикой, балансировал её устойчивость. Можно сказать, что блат амбивалентен не только по сути, но и по функции: подрывая идеологические основания системы, он продлевал её существование.

Возвращаясь к вопросу о том, как моя первая книга была воспринята на Западе, хочется рассказать о том, как уже после успешной защиты и рекомендации к публикации книга ушла в один издательский дом в Соединённых Штатах. И оттуда мне пришёл факс, который я до сих пор храню. Это был очень жёсткий ответ, который, по сути, сводился к тому, что блата не существует, а если вдруг он и существует, то представленные мной эмпирические доказательства не являются достаточными, чтобы считать его распространённым.

— *То есть это был отказ?*

— Да, и очень жёсткий. Но я подала заявку в другое издательство, и там мою книгу взяли и сразу выплатили мне аванс.

— *Сложно ли Вами переживался первый отказ?*

— Да, потому что всё, что переживается в первый раз, проходит очень тяжело. Сейчас я уже научилась не просто справляться с отказами, но видеть в них позитив. В таких случаях я руководствуюсь принципом *second best* («второго шанса»). Когда вы искренне делаете что-то, но при этом происходит какой-то сбой и ваши идеи не принимают, то это, скорее, показатель того, что вы продвигаете их не в том месте. И в этом смысле возникающие внешние ограничения направляют вас туда, где вам будет лучше, чем там, куда вы сами пытаетесь попасть. Внешние ограничения будто подправляют ваш вектор, в большей степени соотносят ваши желания с реальностью, сложность которой в мечтах может недооцениваться. Следование предлагаемому жизнью вектору повышает вероятность того, что вы окажетесь в том ме-

сте, в котором вам будет по-настоящему хорошо. Теперь тот отказ напоминает мне о том, что в итоге книга сначала попала в более заметное американское издательство, а впоследствии была перехвачена издательством моего университета — Cambridge University Press. В результате книга, которая была встречена недостаточно дружелюбно, стала знаковой для исследований теневого сектора. В том числе и потому, что после валидации результатов исследования таким авторитетным издательством стало ясно, что на материалах 56 интервью можно написать книгу. И это было ещё одним открытием.

— *Это удивительно, ведь книга А. Страусса и Б. Глейзера «Awareness of Dying» («Осознание умирания») [Glaser, Strauss 1965] с описанием методологии обоснованной теории уже вышла, и по идее качественный подход не должен был выглядеть экзотическим...*

— Экзотической, скорее, выглядела история про Советский Союз. Устройство планового хозяйства представлялось совсем по-другому. Значимость блат казалась контринтуитивной большинству западных советологов. Он был замечен авторами знаменитого Гарвардского проекта, основанного на интервью с советскими людьми, по разным причинам оказавшимися в Америке после Второй мировой войны. Правительство США заплатило деньги, чтобы лучше понимать ситуацию в Советском Союзе. Не надо забывать, насколько закрытым был тогда СССР. И в материалах этого проекта, и в публикациях 1950-х гг. блат упоминался. Это послужило одной из опорных точек моей доказательной базы. Однако повседневный опыт респондентов данного проекта касался периода, когда блат ещё не развился до масштабов 1970–1980-х гг., потому что западные исследователи, которые писали статьи и книги на материалах этих интервью, в неполной мере представляли себе этот феномен. Блат, скорее, ассоциировали со спекуляциями, стигматизировали его как разновидность мелкого мошенничества. Потому и полноценной концептуализации этого явления к тому моменту не произошло. Двойственность (или симбиотичность) блата, которую я описала в своём исследовании, тогда ещё не была очевидна. Ведь суть здесь состоит в принципе: «Когда я это делаю — это дружба, я поступаю так из лучших соображений, из хорошего отношения к моим близким людям, я на самом деле хочу помочь, а когда другой делает то же самое — это блат». Фактически складывается парадокс, когда все люди говорят, что не занимаются блатом, что блатом занимаются другие, и при этом признают, что блат распространён и все им занимаются. «Все, но не я». И так говорят все. Выходит, что блат очень распространён. Просто, когда ты кому-то помогаешь, ты называешь это человечностью, вхождением в положение, взаимопомощью. Вот эта противоречивость, ускользаемость блата долгое время позволяла ему оставаться «открытым секретом». Необходимо было уловить амбивалентность блата. Только после этого стало возможно доказать его существование. Парадоксальная природа данного явления и стала его доказательством.

— *Алёна, Ваш опыт изучения блата показывает, что и критикуемые феномены могут быть продуктивны и востребованы системой и по факту должны изучаться как её часть, а не как дисфункция....*

— В книге «*How Russia Really Works: The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*» («Как работает Россия на самом деле: неформальные практики, задавшие постсоветскую политику и бизнес») [Ledeneva 2006] я анализирую либеральные реформы, которые были спущены сверху для реорганизации экономики и общества, — введение конкурентных демократических выборов, правового равенства перед законом и рыночных механизмов. Удивительно то, что без содействия неформальных практик эти реформы не могли бы осуществиться. И вместе с тем использование этих практик подрывало, дискредитировало саму суть реформ. В политическом поле таким механизмом оказался сектор пиара, который, безусловно, обслуживал процедуру демократических выборов, но таким образом, что подрывал доверие к демократическим институтам. Практики компромата, джинсы, предоплаченных публикаций, очерняющих конкурентов, обеспечивают конкурентные выборы в условиях свободы прессы, но при этом и противоречат идее такой свободы. Похожие процессы можно было на-

блюдать и в правовом поле, где, с одной стороны, вводился принцип независимости судей, а с другой, возрождалась практика круговой поруки между ними.

— *Каким образом Вы объясняете неизбежность возникновения неформальных практик?*

— Я вижу её в том обстоятельстве, что реформы спускаются сверху и реализуются без учёта контекста. Соответственно любой зазор, который возникает между формальными изменениями, идущими сверху вниз, и реакцией снизу вверх, образует серое поле, заполняющееся неформальными практиками. Они и обеспечивают тот мостик, или стык, между тем, чего хотелось наверху, и тем, что оказалось приемлемым внизу. Поскольку такие практики функциональны, без них реформы не пойдут вообще, а с ними окажутся перенаправленными. Таким образом протекают переходные периоды. Просто мы не всегда готовы признать это. Тогда, в 1990-х, основная идеология совпадала с идеологией Вашингтонского консенсуса. А его нормативная парадигма состоит в том, что демократия и рынок — это хорошо, поэтому и дополнительные вопросы на тему «что такое хорошо, а что такое плохо» лучше не задавать. Надо прокладывать путь интересам добра без учёта, скажем так, тёмных сторон человеческой природы, хотя мы знаем, что она есть. Но почему-то, глядя на то, как проводятся реформы, мы об этом забываем и не учитываем контекст.

— *На Ваш взгляд, речь идёт о человеческом факторе или всё же о системных вещах?*

— Я не спешила бы отделять одно от другого. Мне близка группа теорий, которая работает с динамическими конструктами, как, например, теория структуризации Э. Гидденса, которая учит нас тому, что индивидуальные практики могут изменяться, не переставая быть основой возникновения и устойчивости структур. Система не существует отдельно от индивидуального поведения. Она производна от множества индивидуальных стратегий.

Исследования в области поведенческой экономики показывают, что в любой когорте есть процент людей, не склонных врать и шкродить. Но есть и те, кто будет вести себя в соответствии с теорией коллективного действия, где решения одного зависят от того, как он представляет себе нормальное в глазах другого поведение в определённых ситуациях.

— *То, что называется локальной рациональностью...*

— Можно сказать и так. Существуют такие эквилибриумы, где каждый понимает, что на месте другого он тоже заплатил бы за ускорение операции своей больной раком матери. Поскольку такая установка кажется нормализованной, человек заплатит без тени сомнения. А пока все платят, воспроизводится определённый уровень коррупции в системе здравоохранения. Если бы все перестали так действовать, система могла бы измениться. Но такое изменение подразумевает трансформацию культурных норм. Также возникает вопрос: кому это может быть нужно? Должен быть кто-то, кто возьмёт издержки обеспечения таких изменений на себя. Воспроизводить социальные нормы и полагаться на традиции в каком-то смысле легче. В российском контексте привилегии, персонализация, неравный доступ нормализованы. Люди пользуются возможностями, если они у них есть, часто забывая о том, что это означает для других людей.

— *Нет уверенности, что, например, в поле российского здравоохранения облегчённый деньгами доступ к дефицитному онкопрепарату осмысляется в ракурсе того, что этот препарат не достанется кому-то ещё...*

— Мне не кажется, что дело только в стране или культуре... Ресурсы дефицитны всегда, но в разной степени. Если же рассматривать ситуацию в межстрановой перспективе, можно увидеть, что все армии, все системы здравоохранения, все правовые системы зависят от неформальных практик, проявляющих здесь свою функциональность... Особенно когда перед людьми встают жизненно важные вопросы. Хотя влияние культуры нельзя отрицать, всё же локальный контекст имеет гораздо большее значение. Мы можем видеть, как, например, этнические диаспоры начинают вести себя по-другому, оказавшись в новой среде. Бихевиористские эксперименты свидетельствуют о том, что те люди, которые приходят из культур, считающихся коррупционными, ведут себя гораздо более сбалансированно по сравнению с выходцами из культур, где в приоритете слепое подчинение правилам. Потому что, когда людям, привыкшим полностью подчиняться правилам, даёшь правила эксперимента, они не думают об этической составляющей. Те же, кто привык действовать в амбивалентной среде, привыкли оценивать моральную сторону принимаемых решений.

— *Имеют ли тут место какие-то поколенческие эффекты? Сегодня исследователи много говорят о миллениалах. А ведь это люди, которые при выходе на рынок труда часто попадают в транснациональные корпорации с их установками на прозрачность бизнес-процессов. Можем ли мы ожидать от них иного отношения к неформальным практикам?*

— Не надо выдавать желаемое за действительное. В моей третьей книге «*Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*» («Возможна ли модернизация в России? Система, сети власти и неформальное управление») [Ledeneva 2013] главный вопрос: кто может изменить систему, ввести в неё механизмы, противостоящие интеграции и неформальному контролю за теми, кто находится в ней? Интеграция в систему происходит на основе двойных стандартов. И это случается гораздо раньше, чем мы думаем. Усвоение таких стандартов может идти уже с детства. Неясно, какими окажутся миллениалы по сравнению с предыдущими поколениями, у которых был хоть какой-то внутренний стержень в виде остатков советской этики. Всё, что связано с харассментом, социальными медиа, стабностью, распространённой в Интернете, им очень хорошо известно. Трудно представить, чтобы такая среда могла произвести новые установки. На уровне повседневной жизни персонализированные стратегии всё ещё отлично работают, антикоррупционные меры селективны, потому что двойные стандарты, которыми руководствуется система, не являются тайной для молодого поколения.

— *В одном из своих интервью Вы сказали: для того чтобы законы работали, должна действовать не только буква закона, но и дух. Сегодня у Вас есть понимание, как этому можно способствовать?*

— Здесь нужно начинать с того, что все неформальные практики работают в зоне зазора между фасадом и реальностью. Почему возникает сам этот зазор? Потому что фасады конструируются на уровне публичного пространства, «через телевизор», а реальность не артикулируется. Как приблизить фасады к реальности? Самый простой ответ, лежащий на поверхности: перестать производить фасады. Важно, чтобы первые лица и все, кто задаёт культурные образцы, те, с кого мы берём пример, заботились, чтобы формальное функционирование системы максимально приближалось к реальному.

— *В своих работах Вы проблематизируете границы между понятиями, с помощью которых мы описываем неформальную экономику, отслеживаете смещения границ между неформальными практиками и т. д. Не пора ли инвентаризировать используемый при анализе язык описания, в том числе, например, понятие «государство»? Не цепляемся ли мы за неосуществимую мечту о государстве без коррупции, когда на практике некоторые государства только так и могут функционировать?*

— В данном случае мы цепляемся за нормативные рамки. Говоря о коррупции и предполагая классическую схему из трёх участников — принципал, агент, клиент, мы полагаем, что при делегировании аген-

ту полномочий принципал оказывает доверие, которое агент не должен предать. И эта модель отлично работала бы, если бы такой принципал был принципиальным. Но в реальности это совсем не так. Так называемые принципалы часто руководствуются личными или групповыми интересами. Это не только российская проблема. Это вопрос кризиса системы правительств во всём мире. А чтобы работать вне этой нормативной модели, нужны новые подходы. В плане методологии это предполагает открытость данным — раз уж мы хотим изучать что-то реальное, а не то, подо что уже существует концептуальная база в истории науки. Мой опыт потери доверия к количественной методологии, способной выйти на любой результат, управляя элементами модели, научил меня, что преимущества квантификации в полной мере проявляются там, где статистический анализ проводится на основе тонкого, добытого качественными методами понимания изучаемых процессов. Иначе мы мерим, сами не понимая что. Особенно это касается таких зонтичных концепций, как, например, коррупция. На мой взгляд, давно пора её дезагрегировать и работать только с категориями, у которых есть референт в реальности в виде конкретных практик. Дезагрегация даёт более точечный замер, более точное понимание предмета...

— Сразу напрашиваются вопросы о Вашем проекте «Неформальный мир» и его основной цели — «Энциклопедии неформальных практик»<sup>2</sup>...

— Если попробовать выразить идею проекта одним предложением, то мы пытаемся создать неформальную картину мира. Мы описываем мир так, чтобы его можно было увидеть глазами участников, то есть в перспективе снизу вверх (*bottom up*). Данный проект частично финансировался Европейским союзом. Зайдя на сайт Anticorr<sup>3</sup>, вы увидите, что главными результатами проекта заявлены, во-первых, разработка нового индекса — *Public Integrity Index*<sup>4</sup> (Индекс публичной интеграции), который подключает качественные параметры к измерению, и, во-вторых, построение карты неформального мира (*Global Informality Map*). Проект собрал коллекцию описаний неформальных практик на пяти континентах, в 66 странах.

А начиналось всё с осознания того, что обычно для оценки неформальности используются компаративные индексы, которые не учитывают, что теневые практики всегда локализованы, зависят от культурных, политических, экономических особенностей системы. Агрегированные индексы дают слишком общее представление о неформальных феноменах, а детали и контексты ускользают. И потому была предпринята попытка обеспечить такое сравнение через сопоставление теневых практик на уровне качественного исследования.

Сначала я искала способ провести параллель между системами советского блага и китайского гуанкси (*guanxi*). Решение этой задачи заняло у меня шесть лет и потребовало кооперации с коллегами из Китая — было невозможно обойтись без экспертизы исследователя, владеющего страновым контекстом. Стало ясно, что задача трудоёмкая, стран очень много, а значит, необходимо сформировать сеть исследователей теневых практик.

В современном обществе подходы к изучению коррупции из позиции нетерпимости (*zero tolerance*) не являются продуктивными. Они сами по себе становятся фасадами. Ещё важнее то, что такие подходы имеют очень низкий объяснительный потенциал. После 25 лет антикоррупционных реформ, которые были прекрасно продуманы и профинансированы, построения эффективных организаций, противодействующих коррупции, мы видим, что мир стал ещё более коррумпированным, чем был раньше. Это

<sup>2</sup> См.: The Global Informality Project ([www.in-formality.com/](http://www.in-formality.com/)).

<sup>3</sup> См.: [anticorr.eu](http://anticorr.eu)

<sup>4</sup> Оценивает способность общества контролировать коррупцию и эффективно расходовать бюджетные фонды. См. подробнее: <https://integrity-index.org/>

не означает, что нужно нормализовать коррупцию и перестать с ней бороться. Бороться с ней нужно с учётом как амбивалентности человеческой природы, так и стоящего за ней неравенства. Но борьба с коррупцией имеет смысл только тогда, когда ты уверен, что знаешь в лицо своего врага, — работаешь с конкретными, дезагрегированными практиками в конкретных областях, осуществляемыми конкретными организациями. Идея полной победы над коррупцией утопична. Более реалистична вера в возможность управления уровнем коррупции. Терапия теневых практик должна быть прицельной, носить адресный характер. Требуется микроменеджмент, понимание, в какое именно место бить. И вот здесь проявляется полезность нашей «Энциклопедии...».

Изначально сборник замышлялся как коллекция ноу-хау, «открытых секретов», неформальных правил и недостаточно прозрачных практик. Я сделала трилогию о России, посмотрела, как работают сети в повседневных контекстах (*grassroots level*), на профессиональном уровне и на уровне власти. Но мне не хватало понимания того, в каком положении находится Россия по сравнению с другими странами. Действительно ли Россия самая коррумпированная страна? Конечно, нет. Методология сравнительного анализа в контексте, которую я развиваю в «Энциклопедии...», открывает возможности увидеть это. Подключая к анализу «языковые игры» Витгенштейна, бытующие наименования практик и путём удержания локального контекста в поле сравнительного анализа, мы получаем шанс на вытягивание кластеров практик.

Мне лично проще всего было собрать практики, похожие на блат, так как с экономикой одолжений я работала достаточно. Понятно, что одолжения могут быть разными, но они всегда являются альтернативной валютой, сближающей формальное и реальное, и всегда в таких обменах одна сторона связана с наличием дружбы или других отношений, предполагающих некоторое исключение, а другая сторона этой амбивалентной практики состоит в использовании этих отношений. Каждые отношения в определённой пропорции содержат и социальное, и инструментальное. Вокруг оценок этой пропорции теневые практики можно расположить от более социальных к более инструментальным. В некоторых контекстах помогут дружеским образом даже человеку, понравившемуся на улице, — так устроена социальность, социабельность. А в некоторых странах социальность неразрывно переплетена с инструментальными аспектами, в том смысле, что социальные отношения могут использоваться индивидами для удовлетворения личных интересов. И тогда *using personal relationships to get the things done* (использование личных отношений, чтобы добиться своего) оказывается паттерном, объединяющим очень разные практики. Когда мы смотрим на языковые игры, связанные с этими практиками, видим, что про одни аспекты слагают весёлые песенки, а другие аспекты ощущаются как болезненная проблема для общества.

Так что мы решили собрать массив кейсов, по одинаковой схеме описывающих теневые практики в разных странах мира. Если этот массив будет доведён до абсолюта, когда будет собрано всё про всё и будет уже видно, как именно разбиваются паттерны функционирования человеческих обществ, то на этом пересечении найдутся неочевидные пока ещё закономерности. По мере сбора подобных данных мы видим, как перед нами встают новые методологические проблемы, связанные с необходимостью описания и концептуализации инсайтов, наблюдаемых на столь насыщенных и детализированных данных.

Сегодня исследовательский коллектив проекта насчитывает 223 автора. Проект продолжается. Сейчас готовится третий том энциклопедии. Находится много исследователей, желающих вписаться в этот проект. Сама идея такой коллекции вызывает большой энтузиазм.

«Энциклопедия неформальных практик» публикуется издательством University College London Press в новом формате — формате открытого доступа, с возможностью бесплатно загрузить pdf-файл<sup>5</sup>.

Все эти данные также доступны онлайн ([www.in-formality.com](http://www.in-formality.com)), причём вы можете находить кластеры практик в таком разрезе, котором хотите. Когда я работала над книгами о России, успехом публикации считался тираж 35 тыс. экземпляров. В случае с нашей энциклопедией с момента публикации произведено более 50 тыс. скачиваний из 150 стран мира. Особенность проекта состоит в нашем стремлении делиться собранной эмпирикой. Тем более что работа с подобными базами данных побуждает исследователей и к кооперации друг с другом.

— *«Энциклопедия неформальных практик» явно представляет собой уникальный организационный проект, автоматически настраивает научную кооперацию в огромной сети исследователей неформальных практик...*

— Да, по своему масштабу проект очень амбициозен. Ведь мы собрали также и отдельную базу библиографий по каждому кластеру. В проекте — 2 тома, 4 части, 8 глав, 16 объединяющих концептуальных материалов, и в каждой главе — список литературы по всему миру (по неформальным поселениям, взаимопомощи, стратегиям выживания и предпринимательства). Это не планировалось, но, по сути, получилась достаточно полная библиография по каждой теме на самых разных языках.

При поиске практики в базе (она пока только англоязычная) вы сразу получаете доступ к литературе на других языках, можете увидеть практики в более широкой перспективе, посмотреть и материалы «Энциклопедии...», и источники через Google translate. У нас, конечно, есть замысел перевести описания практик на другие языки, в первую очередь сейчас обсуждается китайский перевод. Учитывая, что схема работы с базой кейсов допускает большую гибкость, мы сейчас предлагаем исследователям искать способы сделать на этой базе что-нибудь своё.

В настоящее время меня особенно интересует возможность типологизации амбивалентности. Как работать с проблемой амбивалентности неформальных практик на уровне проектирования социальной политики (*policy making*)? Учитывая, что данная амбивалентность проявляется в четырёх направлениях.

Во-первых, это проблема субстанции обмена. Речь идёт о группе неформальных обменов, где не до конца ясно, какое именно благо обменивается. Подарок, одолжение или взятка? Например, в странах Азии есть норма вручения подарков в виде денег. В российском же дискурсе всё ровно наоборот: вручение денег может быть сочтено формой подкупа. В проекте «Неформальный мир» амбивалентность изучаемого предмета сразу бросается в глаза, потому что часто неформальные практики невозможно категоризировать однозначно. Иными словами, данная неформальная практика может быть и подарком, и взяткой — всё зависит от контекста. Но чаще всего это ни то ни другое. А содержание контекста и задаёт непредсказуемость происходящего, в том числе в ситуациях, где один и тот же конверт с деньгами будет однозначно расценён как подарок или без сомнений категоризован как взятка.

Во-вторых, это функциональная амбивалентность, которую мы выше уже обсуждали, когда неформальные практики вносят одновременно и стабилизирующий, и разрушительный вклад в систему.

В-третьих, это нормативная амбивалентность, опирающаяся на двойные стандарты оценки «своих» и «чужих» действий. Как говорится, для друзей у нас всё, для врагов у нас Закон. На модус нормативной

<sup>5</sup> См. т. 1 (<http://www.ucl.ac.uk/ucl-press/browse-books/global-encyclopedia-of-informality-i>) и т. 2 (<https://www.ucl.ac.uk/ucl-press/browse-books/global-encyclopaedia-of-informality-ii>).

амбивалентности сильно завязано чувство сопричастности, принадлежности к группе — включение, которое, однако, также означает и исключение.

И в-четвёртых, тип амбивалентности — это мотивационная амбивалентность, когда мы артикулируем действие в интересах публичного, а на деле преследуем приватные цели.

Этот проект уникален. У него есть какая-то особая красота. В том числе благодаря сохранению лингвистической игры. Мы не переводим практики в аналитический формат, сохраняем язык участников, не подменяя его языком наблюдателя. Принципиально важно держаться языка включённого наблюдения, чтобы не упустить из виду языковую игру. В этом пункте я сильно полагаюсь на авторов. Когда мне присылают статьи с использованием понятия «взяткоёмкость», я задаю уточняющий вопрос, не является ли взяткоёмкость аналитической концепцией. Меня могут заверить: «Нет, взяткоёмкость — практический критерий, на который ориентируются акторы данного поля при обсуждении качества принимаемых законов».

Интересно, что история повторяется. Как мне когда-то приходилось доказывать существование блата, так теперь я прошу исследователей из разных стран прислать мне доказательства распространённости предлагаемых ими практик. Хотя анализ узко используемых теневых практик также представляет большой теоретический интерес. Например, сейчас в нашем проекте начали появляться описания неформальных практик, используемых в киберпространстве. Это очень интересное направление...

В общем и целом, проект зиждется на политике открытых дверей, то есть любой исследователь может нам написать и будет услышан. Мы никому не отказываем, но ведём определенную просветительскую работу, договариваемся на берегу о том, какая именно лингвистическая игра будет включена в базу данных. Мы контролируем академические стандарты качества включаемых в проект материалов и вместе с тем готовы оказывать авторам поддержку. Так что мы будем рады, если читатели журнала «Экономическая социология» станут высылать нам свои предложения. Электронный адрес: [informality2014@gmail.com](mailto:informality2014@gmail.com)

Декабрь 2018 г.,  
Москва

## Литература

Glaser B. G., Strauss A. L. 1965. *Awareness of Dying*. Chicago, IL: Aldine Publishing.

Ledeneva A. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Ledeneva A. 2006. *How Russia Really Works. The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*. Ithaca; London: Cornell University Press.

Ledeneva A. 2011. Open Secrets and Knowing Smiles. *East European Politics and Societies*, 25 (4): 720–736.

Ledeneva A. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press.

## INTERVIEWS

# Interview with Alena Ledeneva

## To Control a Level of Informality You Need the Targeted Therapy of Informal Practices

*Interviewed by Elena Berdysheva*

**LEDENEVA, Alena** — Professor of Politics and Society at the School of Slavonic and East European Studies of University College London in the United Kingdom. Address: Gower Street, London, WC1E 6BT.

**Email:** [a.ledeneva@ucl.ac.uk](mailto:a.ledeneva@ucl.ac.uk)

In the interview, Professor Alena Ledeneva talks about her research experience, current projects, and plans. She also presents her creative guidelines for analyzing the informal economy's worlds with the help of a context-sensitive comparative ethnographic study. Rooted in her PhD written in the mid-1990s on the contribution of blat to the functioning of the Soviet economy, the program today provides the basis for the unique empirical project, "The Global Encyclopedia of Informality," which attracted the participation of 223 research fellows from different countries. Being publicly opened, the Encyclopedia with a base of cases describes a given informal practice's national versions, including a list of the most

recent sociological and anthropological literature for analyzing that practice. This interview demonstrates how sensitivity to ethnography's methodological challenges allows the author to move from producing a retrospective study of the local empirical phenomenon to theorizing. The theoretical insights that Professor Ledeneva generates help to evaluate the qualities of liberal reforms, including anti-corruption policies. She shows that when the façade of formal institutions is invisibly based on rigidity and double standards, informal practices contribute to both creating and destroying of social systems. Until the conflict between rules issued from the top and reaction from the bottom is taken into account during social and political transformations, the minimizing of corruption will be difficult.

In the interview, Professor Ledeneva shares her research experience and demonstrates how she struggled for validity of the conclusions in her qualitative research through comparisons of empirical evidences from different sources. She also discusses the challenges from her in-depth interviews implying discussions of sensitive topics and how they could be overcome. Particularly, Alena refers to her approach to ethnography of informal economy as a "method of slow cooking." This interview, however, may produce impressions that Alena's "field kitchen" tends to be molecular.

**Keywords:** exchange; reciprocity; equivalence; network; social dynamics; corruption; qualitative research design; millennials.

## References

Glaser B. G., Strauss A. L. (1965) *Awareness of Dying*, Chicago, IL: Aldine Publishing.

Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Ledeneva A. (2006) *How Russia Really Works. The Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business*, Ithaca; London: Cornell University Press.

Ledeneva A. (2011) Open Secrets and Knowing Smiles. *East European Politics and Societies*, vol. 25, no 4, pp. 720–736.

Ledeneva A. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.

**Received:** April 14, 2019

**Citation:** Interv'yu s Alenoy Ledenevoy [Interview with Alena Ledeneva] (2019) Chtoby kontrolirovat' uroven' neformal'nosti trebuetsya pritsel'naya terapiya tenevykh praktik [To Control a Level of Informality You Need the Targeted Therapy of Informal Practices]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 3, pp. 12–24. doi: [10.17323/1726-3247-2019-3-12-24](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-12-24) (in Russian).